

«Нарвская конфузия»

Нарва оказалась крепким орешком. Ее осада затянулась до поздней осени. Обложив крепость со всех сторон, русские войска долго ждали, когда подвезут осадные орудия. Без них взять мощные укрепления Нарвы было невозможно. Размытые же дороги мешали быстро доставить тяжеленные пушки на берега Наровы. Лишь 20 октября 1700 года Петру удалось впервые выстрелить из мортиры по укреплениям крепости. Но артиллерийская подготовка была только началом всякой осады – сложного военного дела.

Между тем ситуация для русских войск с каждым днем становилась все более тревожной. Многие осадные орудия и порох оказались скверными, трижды штурм довольно слабых укреплений Иван-города проваливался, в лагере начались заразные болезни. Еще хуже обстояли дела у союзников. Под Нарвой стало известно, что 14 июля 1700 года шведская эскадра бомбардирова-

ла Копенгаген, а затем Карл XII высадился с десантом на берег и окружил датскую столицу. Это было так неожиданно, что датчане, не ожидавшие такой прыти от молодого короля шведов, сразу же запросили мира. Он был подписан в германском замке Травендаль. Датский король Фредерик IV выполнил все желания Карла: Дания вышла из войны и разорвала Северный союз. Тревожные известия поступали и из лагеря Августа II под Ригой. Опасаясь приближения Карла, он уехал в Польшу. Россия осталась один на один со своим противником. В начале октября русское командование узнало, что отборные шведские войска во главе с королем высадились в Пернау (Пярну) и направились к Ревелю (Таллинн). Шестнадцатого ноября Карл XII атаковал конное войско Б. П. Шереметева и заставил его отступить с дороги на Нарву. Стало ясно, что Карл движется к осажденной крепости, чтобы выручить ее гарнизон. Против засевшей в осадном лагере русской армии, которая по числу солдат в 2,5 раза превосходила шведскую, у Карла было одно оружие – быстрота и натиск.

Девятнадцатого ноября 1700 года шведы стремительно атаковали русский лагерь. Им удалось прорвать укрепления и внести в ряды противника панику. Русские солдаты бросились на мост через Нарову, началась давка, плавучий мост рухнул, тысячи людей оказались в ледяной воде. Панике поддалась и конница Б. П. Шереметева. Она бросилась в Нарову и, потеряв тысячу человек, переправилась на безопасный правый берег. Лишь гвардейские полки – Преображенский и Семеновский – да Лефортов полк достойно встретили неприятеля и сумели удержать свои позиции. Ночью русское командование решило капитулировать. Отдав победителям знамена и артиллерию, русские войска начали переходить Нарову по наскоро восстановленному мосту. Шведы не сдержали слово и стали отбирать у русских солдат оружие, грабить обозы. Ими же были задержаны многие генералы и офицеры русской армии. Их увезли в Швецию, где они провели в тюрьме долгие годы.

Взятие Нарвы в 1704 г.

К этому времени самого Петра уже не было среди дравшихся под Нарвой. Буквально за день до нарвской драмы он, взяв с собой главнокомандующего войсками Ф. А. Головина и своего фаворита А. Д. Меншикова, поспешно покинул лагерь и уехал в Великий Новгород. Нет оснований обвинять Петра в трусости – под стенами Азова он показал себя с самой лучшей стороны. Возможно, не зная воинских талантов Карла, он думал, что тот не решится сразу же атаковать превосходящие силы русских, а будет маневрировать, искать возможности соединиться с осажденным гарнизоном. Возможно, Петр, покидая лагерь под Нарвой, решил не рисковать, ибо с капитуляцией или гибелью царя война была бы безвозвратно проиграна. Несмотря на всю свою смелость, Петр всегда избегал ненужного риска.

Известие о страшном поражении застигло Петра в Новгороде. Но царь не впал в отчаяние, не проявил слабости. Наоборот, как часто с ним бывало в тяжелые минуты, он собрался и начал действовать. О решительности и целеустремленности Петра говорят его письма и распоряжения приближенным.

Засев в Новгороде, Петр I стремился прикрыть дорогу на Москву оставшимися в строю войсками и одновременно поручил Шереметеву беспокоить неприятеля на его территории. Впрочем, все зависело от дальнейшего поведения нарвского победителя. Карл же, деблокировав Нарву и опрокинув русские войска, не стал развивать успех и остановился на зимовку под Дерптом (Тарту). Отсюда перед ним было две дороги: одна в Россию, на Псков, Новгород и Москву, другая в Лифляндию, на Ригу. Разби-

тый Петр I не казался королю опасным. Поэтому он решил правиться в первую очередь с Августом – ведь саксонские войска стояли в Лифляндии и представляли серьезную опасность для шведских владений в Прибалтике. Кроме того, Карл испытывал какое-то мстительное чувство к вальяжному, склонному к роскоши польскому королю, которого он хотел непременно унижить, «проучить». Поэтому к Риге, а не к Пскову повернул он весной 1701 года свои войска. Петр мог благодарить Бога – он получил отсрочку. У него появилась возможность восстановить разгромленную армию и возобновить военные действия.

Несмотря на неудачи, царь стремился сохранить Северный союз, давший трещину после поражения союзников. В феврале 1701 года Петр встретился с Августом II в литовском городе Биржай и добился сохранения союзного договора. Для этого Россия пошла на жертвы: обещала помочь Августу деньгами и солдатами (вспомним Паткуля). Но летом 1701 года царь получил новое огорчительное известие – Карл разбил саксонцев под Ригой, а русский вспомогательный корпус генерала А. И. Репнина, не оказав союзнику помощи, отошел по псковской дороге. И опять Карл, увидев поспешное отступление русских, не стал их преследовать. Его целью стало острое желание победить Августа II, которого он считал бесчестным и недостойным уважения государем.

1701 и 1702 годы прошли для Петра в напряженной работе. Русские войска, которыми командовал ставший фельдмаршалом Б. П. Шереметев, выполняли тот план, который наметил царь в письме к нему, а именно непрерывно разоряли владения неприятеля. Шереметев воспользовался отсутствием крупных сил шведов в Лифляндии и Эстляндии и стал последовательно и осторожно совершать вылазки и рейды в шведские владения. Его многочисленные войска разоряли богатейшие провинции: сжигали города, деревни и хутора, уничтожали посеы, угоняли в плен местных жителей. Целью этих жестоких акций было запугать население, а также лишить шведскую армию запасов и удобных баз. За 1701—1702 годы русская армия взяла 8 малых крепостей и городов и сожгла более 600 деревень и мыз.

Заглянем в источник

В те памятные тяжелые дни ноября-декабря 1700 года Петр приступил к восстановлению сил армии. Он серьезно опасался подхода шведов ко Пскову и Новгороду. Эти крепости поспешно укреплялись – на земляные работы вышли все, в том числе престарелый Новгородский митрополит Иов. Со всех сторон по воле царя съезжались дворяне, входившие в Новгородский полк. Пятого декабря 1700 года Петр написал Б. П. Шереметеву, который вывел из-под Нарвы свою поредевшую конницу. По-видимому, Шереметев

предполагал, что наступил обычный на время зимы перерыв в военных действиях и рассчитывал на отдых. Но не тут-то было. Петр предупреждал Шереметева и нацеливал его на продолжение войны даже зимой:

«Не след есть при несчастьи всего лишаться, того ради вам повелеваем при взятом и начатом деле быть, то есть над конницею... ближних мест беречь (для последующего времени) и идти вдале, для лутчаго вреда неприятелю. Да и отговариваться нечем, понеже людей довольно, так же реки и болота замерзли...»

Эта целеустремленность и решительность стали главными чертами Петра и на все последующие годы.

Фельдмаршал Борис Петрович Шереметев.

Летом 1701 года Шереметевым была одержана первая заметная победа над шведами в Южной Эстляндии, у селения Ряпина. В

январе 1702 года он одержал новую победу – у деревни Эрестфер, а потом – у деревни Рыуге в Эстляндии. Эти скромные победы, достигнутые преимущественно не умением, а числом, благоприятствовали моральному подъему русской армии, еще не пришедшей в себя после поражения под Нарвой. Кроме того, вновь набранные солдаты получали в сражениях и стычках бесценный боевой опыт.

Заглянем в источник

После того как войска Шереметева закончили поход и начали вставать на зимние квартиры, голландец де Бруин писал из Москвы: «14-го сентября привели в Москву около 800 шведских пленных, мужчин, женщин и детей. Сначала продавали многих из них по 3 и по 4 гульдена за голову, но спустя несколько дней цена на них возвысилась до 20-ти и даже до 30 гульденов. При такой дешевизне иностранцы охотно покупали пленных, к великому удовольствию сих последних, ибо иностранцы покупали их для услуг своих только на время войны, после которой возвращали им свободу. Русские также купили многих из этих пленных, но несчастнейшие из них были те, которые попадали в руки татар, которые уводили их к себе в рабы в неволю – положение самое плачевное».

Вообще, положение пленных – как военных, так и гражданских лиц – в те времена было ужасным. До Семилетней войны в русских войсках господствовал древний обычай, согласно которому плененные воины и жители завоеванных стран являлись трофеями победителей наряду с их имуществом, скотом и прочим. По этому закону все пленные становились «полоняниками», проще – рабами, независимо от прежнего статуса человека, живой собственностью захватившего их солдата или офицера. Убийство пленного преступлением не считалось, а разлучение и продажа захваченных в плен семей, насилие над женщинами и детьми было в те времена обычным явлением.

Летом 1701 года удалось отбить и нападение шведской эскадры на Архангельск. План шведов разорить главный порт России, через который поступали с Запада необходимые ей товары, провалился благодаря подвигу лоцмана Ивана Рябова, который посадил на мель два шведских судна прямо под пушками Новодвинской крепости и тем самым не позволил шведскому флоту пройти к городу-порту.

Действующие лица

Фельдмаршал Борис Шереметев

Почти всю Северную войну он был главнокомандующим русской армии, ее старейшим фельдмаршалом, уважаемым, родовитым аристократом. Шереметев с молодых ногтей верой и правдой служил государю, был потомственным профессиональным военным

и дипломатом. Крупный, даже толстый, с бледным лицом и голубыми глазами, Шереметев выделялся среди прочих вельмож степенностью, своими благородными, спокойными манерами, любезностью и воспитанностью. Петр, государь деспотичный, склонный к непристойным розыгрышам, никогда не позволял себе проделывать их со старым воином, хотя порой шутил с ним весьма жестоко. Шереметев бывал за границей, хорошо знал западные обычаи и еще до реформ Петра был одет в модную европейскую одежду и брил лицо.

Однако при всех своих заслугах Шереметев не был выдающимся человеком, оставался личностью вполне заурядной, неяркой, без воображения и духовных исканий. «Не испытлив дух имею», – признавался он в письме своему приятелю Ф. М. Апраксину. Но зато в нем была та солидная надежность, которая внушает подчиненным уверенность и придает мужество даже в самом жарком бою. Возможно, поэтому Петр и вверил ему свою армию, хотя был всегда недоволен медлительностью Шереметева. Но при этом Петр не спешил расставаться с Шереметевым, не отправлял его в отставку, ибо он знал наверняка, что старый конь борозды не испортит и что российский Кунктатор зря не станет рисковать, не бросится в авантюры. А Шереметеву было ведомо, что сам Петр не любит риск и бережет армию – единственного союзника России. Кроме того, в военной среде всегда есть некий «счет», и по нему Шереметев был, бесспорно, первым: по происхождению, знатности, стажу службы, старшинству. Он вел «негероическую», но рациональную войну, насколько она возможна в России: медленно, с огромным перевесом сил продвигаться вперед, закрепляться и ждать новых распоряжений государя.

А вообще-то жизнь фельдмаршала была тяжелой, изнурительной. Грозный для врагов, он был придавлен страшной ответственностью: все время боялся не только за врученную ему армию, но и за себя. Петр, используя способности и опыт Бориса Петровича, не доверял ему как представителю старого боярства, чуждался его и не пускал в свой ближний круг, посылая соглядатаев в штаб фельдмаршала. В этом неустойчивом, ненадежном положении Шереметев вечно страшился чем-нибудь прогневить царя, лишиться его милости, пожалований и похвалы. Он умер в Москве 17 февраля 1719 года. До самого конца у Шереметева не было ни воли, ни душевного и физического покоя. Царская служба пожирала все его время, всю его жизнь. Богатейший помещик России, он редко бывал в своих владениях. Он не раз порывался в отставку. «Боже мой, – писал он своему приятелю Апраксину, – избави нас от напасти и дай хоть мало покойно пожить на сем свете, хотя и немного пожить». Он пытался уйти в Киево-Печерский мона-

стырь. Но Петр поднял боярина на смех и вместо пострижения приказал ему жениться на молодой женщине. Тяжело заболев в 1718 году, Шереметев просил в завещании похоронить его в Киево-Печерском монастыре – не удалось пожить там, так буду хотя бы лежать в святом месте! Но государь решил иначе. Шереметева похоронили в Александро-Невском монастыре. Так, даже смерть старого фельдмаршала, как и прожитая им в вечном страхе и неволе жизнь, послужила высшим государственным целям – основанию знаменитого некрополя.